
Д. С. Миронова

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАТО И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Миронова Дарья Сергеевна – аспирантка ИНИОН РАН.

Важными элементами системы безопасности в Евро-Атлантике выступают Россия и Североатлантический альянс, взаимоотношения которых испытывают сегодня очередной кризис.

Со времен окончания холодной войны можно наблюдать периоды взлета и падения во взаимоотношениях между Россией и НАТО. Важными вехами здесь являются воздушная операция альянса против Югославии 1999 г., российско-грузинская война 2008 г. и украинский кризис, приведший к заморозке сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО. Стоит отметить, что заключенный в 1997 г. Основополагающий акт Россия – НАТО был заморожен лишь во время конфликта вокруг Косова. Выросший из понимания неделимости безопасности в Евро-Атлантике он представляет собой фундамент, на котором строится практическое взаимодействие, способное вывести взаимоотношения из кризиса. Примером может служить сотрудничество по Афганистану, которое не было приостановлено ни в 2008 г., ни сегодня.

Волнообразное развитие отношений Россия – НАТО основано на нерешенности вопросов, вызывающих взаимную обеспокоенность и недоверие. Несмотря на периоды подъема, когда обе стороны декларируют движение к стратегическому партнерству или «перезагрузку» отношений, России и НАТО не удалось наладить постоянный диалог и достичь взаимопонимания.

Интересно проследить изменения, которые происходили внутри самой НАТО со времени окончания холодной войны, особенно основные направления развития альянса на современном этапе в контексте российско-натовских отношений. Важной вехой здесь выступает Уэльский саммит, обозначивший новый этап трансформации альянса, когда его главной целью стало сдерживание России.

Этапы трансформации НАТО

Трансформация Североатлантического альянса с точки зрения входящих в него стран является одним из ключевых элементов глобальной и евроатлантической систем безопасности. В его истории после окончания холодной войны принято выделять пять трансформационных волн, вызванных распадом СССР, терактами 11 сентября 2001 г. в США, началом операции в Афганистане, началом войны в Ираке, глобальным финансово-экономическим кризисом.

Уэльсский саммит ознаменовал собой переход от коллективной безопасности к «новой старой» коллективной обороне. Таким образом, нынешний период можно рассматривать в качестве начала шестого этапа трансформации альянса. Он несет в себе черты «старой НАТО», однако, ввиду появления новых вызовов – «гибридных» и кибернетических угроз высокой интенсивности – не может считаться возвратом альянса к коллективной обороне в чистом виде.

Процесс трансформации НАТО можно рассматривать по трем направлениям: географическому, военно-политическому и оперативно-техническому [1, с. 94].

В географическом отношении это – расширение на Восток за счет инфраструктуры войск и сил, выделенных в состав союза странами – бывшими участниками ОВД.

Военно-политически трансформация НАТО, несмотря на отсутствие блокового противостояния, проявляется прежде всего в приверженности принципу коллективной обороны, согласно ст. 5 Вашингтонского договора. Кроме того, сохранены командные структуры и происходит постоянная адаптация союзнических войск к меняющимся условиям международной среды. Все большую роль играют декларируемые новые функции альянса: операции по поддержанию мира, в том числе за пределами зоны ответственности НАТО, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке в целях устранения локальной и региональной нестабильности, этнических и религиозных конфликтов, борьбы с нарушениями прав человека и национальных меньшинств, международным терроризмом и распространением ОМУ.

Оперативно-тактическая трансформация НАТО включает в себя: сокращение коллективных сил блока, передислокацию и разукрупнение военных баз и т.д., а также преобразование «тяжелых» объединений НАТО в гибкие группировки для борьбы с угрозами нового типа, формирование и постоянную модернизацию Сил реагирования.

Начало изменениям положила сессия Совета НАТО на высшем уровне в Лондоне в 1990 г. На первом этапе альянс реагировал на мировые события и факторы, возникшие после окончания холодной войны. Прежде всего это

исчезновение опасности широкомасштабного военного конфликта между Востоком (в лице СССР) и Западом, а также выход на передний план локальных внутренних и межгосударственных конфликтов, не затрагивающих непосредственно военную безопасность стран НАТО. Во-вторых, изменение соотношения традиционных и новых вызовов. И в-третьих, это стремление европейских стран к оборонному сотрудничеству в первую очередь в рамках ЗЕС.

В основу политической трансформации был положен тезис о том, что наиболее вероятной угрозой для безопасности государств-членов являются межэтнические и территориальные споры. В Стратегической концепции–91 лидеры стран НАТО подтвердили, что безопасность и стабильность не коренятся исключительно в военной сфере, они включают в себя также политические, экономические и социальные элементы. В Концепции было отражено намерение укрепить политический компонент Североатлантического союза, что предусмотрено ст. 2 Вашингтонского договора [10].

В 1990-х годах стала очевидной необходимость военной трансформации альянса, обусловленная объединением Германии, выводом советских войск, вступлением в силу ДОВСЕ, а также новыми вызовами безопасности, в особенности на южных границах НАТО. Эволюция альянса в этом направлении значительно повлияла на военную архитектуру НАТО: произошла структурная перестройка ВС государств-членов, была сокращена их численность с целью повышения мобильности при одновременном создании многонациональных формирований; были значительно сокращены ядерные силы блока.

Новая роль альянса в области кризисного регулирования и миротворчества была подчеркнута в Стратегической концепции в 1999 г. В ней указывалось на важность укрепления отношений с государствами – партнерами НАТО и сотрудничества с другими международными организациями [20].

Особое значение в новой концепции придавалось развитию «европейской составляющей» в области безопасности и обороны. При этом делался акцент на необходимости тесного сотрудничества между НАТО, ЗЕС и ЕС. Анализ концепции НАТО 1999 г. показывает коренную смену ориентации альянса: «новая НАТО» выходит за рамки региональной организации, принимая на себя глобальную ответственность по коллективной обороне и проведению операций в кризисных ситуациях, возникающих в том числе за пределами территории НАТО и не предусмотренных ст. 5 Вашингтонского договора. В соответствии с этим Концепция–99 предполагает поддержание достаточной военной мощи альянса, включая широкое участие стран НАТО в коллективном планировании деятельности ядерных сил и размещение их на своей территории в мирное время [20].

Принцип неделимости безопасности, закрепленный в ст. 5 Вашингтонского договора, а также новые задачи альянса по поддержанию мира вызвали

дискуссии о возможном расширении НАТО и вступлении в нее бывших социалистических стран. Вопрос о расширении на Восток стал краеугольным камнем во взаимоотношениях России и альянса, начиная с 1993 г.

В России активная политическая кампания против расширения НАТО вызвана опасением относительно приближения военной инфраструктуры НАТО к границам государства, что значительно увеличивает досягаемость российских целей для тактической ударной авиации. Кроме того, продвижение на Восток расширяет возможности нанесения ударов высокоточными обычными вооружениями по стратегическим целям в РФ. Стоит отметить, что в 1990-е годы позиция Москвы в отношении географического аспекта трансформации НАТО менялась – от его неприятия до вопроса о вступлении в альянс самой России. В итоге в 1994 г. Россия присоединилась к программе «Партнерство ради мира», а в 1997 г. был заключен Основопологающий акт Россия – НАТО, ознаменовавший собой формализацию отношений между обеими сторонами.

Стимулом к началу второго этапа трансформации альянса стали террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, а также теракты в Мадриде и Лондоне. Впервые за историю существования Вашингтонского договора его 5 статья вступила в силу. А весной и летом 2002 г., после начала третьего этапа трансформации НАТО и операции в Афганистане, были приняты ключевые военно-политические решения о возможности проведения операций альянса за пределами Евро-Атлантического региона.

На саммите Североатлантического альянса в Праге в 2002 г. была акцентирована задача создания в структуре НАТО сил, способных к быстрым передвижениям, действиям на большом отдалении от своих баз, к самообеспечению и эффективному применению военной мощи. Ключевым стоит назвать решение о создании Сил реагирования НАТО – передовых оперативно совместимых формирований, имеющих гибкий характер, способных к быстрому развертыванию и выполнению задач в течение продолжительного времени.

Тестом на жизнеспособность организации стала война в Ираке 2003 г., вызвавшая разногласия между европейскими странами по иракскому вопросу. Это породило серьезные сомнения относительно сохранения НАТО в качестве эффективного инструмента коллективной обороны и безопасности, а также будущего европейской интеграции в военной сфере. Война в Ираке означала для НАТО новый этап трансформации, связанный в первую очередь с поиском ответов на вопрос о единстве взглядов внутри организации. В продолжение оптимизации органов управления альянса в 2003 г. было создано Командование по трансформации ОВС НАТО.

Очередной кризис в рядах блока возник на саммите НАТО в Бухаресте 2–4 апреля 2008 г. Состоявшаяся встреча в верхах продемонстрировала

разногласия между государствами-партнерами и выявила верховенство национальных интересов над партнерскими обязательствами. На встрече обнаружился раскол между старыми и новыми государствами-членами по вопросу афганской миссии, предоставления ПДЧ Украине и Грузии [12].

Операция в Афганистане стала серьезным испытанием для НАТО. Союзники не только не увеличили количество своих ВС в регионе, но и ввели ограничения на применение национальных военных контингентов, что подтвердило отсутствие консолидированной позиции у государств – членов НАТО по этой проблеме. Позицию США поддержали либо «молодые» члены НАТО (Польша, страны Балтии), либо государства, не входящие в альянс.

Спорным оказался и вопрос о предоставлении ПДЧ Украине и Грузии. Резкое противодействие эти планы встретили со стороны Германии и Франции, а также Италии, Нидерландов, Люксембурга, Испании, Бельгии, Португалии [11].

Осенью того же года начался мировой финансовый кризис, положивший начало современному этапу развития альянса и пятому этапу трансформации НАТО. Сокращение военных бюджетов стран-членов означало прежде всего отказ от ряда программ по разработке новых высокотехнологичных образцов вооружений, их закупке оборонными ведомствами. В октябре 2010 г. руководители этих ведомств одобрили план Генерального секретаря НАТО А. Фог Расмуссена, нацеленный на дальнейшую оптимизацию бюджетных средств, а в ходе Чикагского саммита 2012 г. был представлен «пакет умной обороны». Общий смысл этих мер – сокращение общих затрат при одновременном повышении их эффективности. Базируясь на трех базовых принципах – сотрудничестве, приоритеты, специализация [19] – концепция «умной обороны» ставит во главу угла полезность и эффективность материальных вложений.

Подводя итог пяти волнам трансформации НАТО, следует отметить, что альянс сохраняет свою роль существенного фактора мировой политики и международных отношений. Однако основные аспекты его трансформации напрямую затрагивают национальные интересы России. В географическом плане он вплотную приблизился к российским границам. Одним из самых острых вопросов сегодня остается возможное членство Грузии и Украины в НАТО. Это – важнейшая для России тема в переговорном процессе с альянсом.

Не менее важный момент – оперативно-техническое сотрудничество с НАТО государств, входящих в институциональные образования с участием России на постсоветском пространстве. Здесь Россия видит угрозу своим интересам и всячески противостоит вмешательству в них на территории бывшего СССР. Проблема имеет и немаловажный экономический аспект:

оперативная совместимость вооруженных сил постсоветских стран с НАТО предполагает снижение экспорта вооружений и техники из России.

К сожалению, в основе негативной оценки трансформации НАТО в России лежат не только объективные причины. В сознании российских политических элит восприятие НАТО определяется главным образом безоговорочным уравниванием НАТО и США. Любое охлаждение отношений между Вашингтоном и Москвой автоматически активизирует негативное восприятие НАТО в России; периоды налаживания партнерских отношений и интенсивного развития сотрудничества с альянсом практически исчезают из новостных сводок. Примером здесь может служить опрос общественного мнения, проведенный ВЦИОМ по заказу Информационного бюро НАТО в 2006 г. По мнению респондентов, НАТО ассоциируется со следующими словами: оружие, конкурент, угроза, противник, гонка вооружений. Главным врагом НАТО была названа Россия [3, с. 11].

Процесс трансформации альянса рассматривается в России в качестве одной из угроз национальной безопасности страны в том смысле, что НАТО со временем превратится не просто в глобального игрока, а в механизм принятия мировых решений в обход СБ ООН. На такую позицию во многом повлияли кризис в Косово, восприятие событий 2008 г., война в Ливии, а также украинский кризис. К сожалению, «приостановка всего практического гражданского и военного сотрудничества» [5] между Россией и НАТО 1 апреля 2014 г. способствовала усугублению кризиса в отношениях с альянсом. 21 января 2015 г. на пресс-конференции по итогам 2014 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров назвал это решение «политизированным», соответствующим конфронтационному настрою холодной войны [4].

Саммит НАТО в Уэльсе и новая повестка дня

Состоявшийся 4–5 сентября 2014 г. саммит НАТО в Южном Уэльсе его генеральный секретарь А. Фог Расмуссен назвал «историческим» еще до его начала – государствам-членам предстояло определить пути развития альянса на «многие годы вперед» [21], найти способы перехода «от развернутой НАТО к подготовленной НАТО» [2].

Предполагалось, что основной темой станет будущее НАТО после завершения миссии в Афганистане, в основе которого будут лежать учения и тренировки союзнических войск совместно с национальными силами Афганистана. Однако переворот, произошедший в Киеве в феврале 2014 г., за которым последовало присоединение Россией Крыма, а также бои на Юго-Востоке Украины коренным образом изменили повестку дня. Кроме того, жестокие акции «Исламского государства», углубление конфликта в Сирии и дестабилизация ситуации в Ираке, а шире – на всем Ближнем и Среднем

Востоке – действительно сделали Уэльский саммит НАТО важнейшим со времен окончания холодной войны.

Его ключевыми темами стали:

- подготовка к новым угрозам, возникающим в кибер-пространстве, а также безопасность на море;
- «умная оборона» и планирование в условиях дефицита бюджетов;
- сотрудничество в трансатлантическом сообществе в постафганский период;
- роль НАТО как глобального актора.

Однако главной темой стал украинский вопрос, а именно сдерживание России. В итоговой декларации сказано, что «агрессивные действия России против Украины фундаментальным образом поставили под вопрос видение целой, свободной и мирной Европы» [7]. Таким образом, повестка дня из обсуждения «постафганской эры» НАТО превратилась в поиск ответа на «российский вызов». Обеспокоенность государств – членов НАТО, в особенности стран Балтийского региона и Польши, отразилась в Заявлении по итогам встречи на высшем уровне, а также в Заявлении о трансатлантической связи. В последнем среди таких опасностей, как распространение насилия и экстремизма в Северной Африке и на Ближнем Востоке, особо отмечены действия России на Украине – «неправомерная самопровозглашенная аннексия Крыма и агрессивные действия России в других регионах Украины» [6].

В целях быстрого реагирования на новые вызовы безопасности, под которыми подразумеваются в том числе так называемые «гибридные войны» (войны, при ведении которых применяется широкий спектр открытых и скрытых, военных, военизированных и гражданских мер [16]), странами НАТО был принят План действий по обеспечению готовности. Очевидно, что термин «гибридная война» появился в Декларации не случайно – по мнению руководства НАТО, это связано с противодействием тактики ведения войны, примененной Россией, на Украине. Таким образом, План по своей сути содержит ряд элементов, прямо направленных против России.

Украинский кризис переместил акцент в НАТО со «сдерживания» на «сдерживание» плюс «меры заверения» относительно коллективной обороны стран Восточной Европы. Эти «заверения» теперь включают в себя как конвенциональные, так и неконвенциональные меры борьбы с нелинейными угрозами и кибератаками. По сути, еще до начала саммита были предприняты конкретные шаги – увеличено втрое (с мая 2014 г.) количество авиации, вовлеченной в патрулирование стран Балтии; в июне 2014 г. США запустили Инициативу заверения Европы по финансированию присутствия американских ВС на ротационной основе на территории восточноевропейских стран альянса, а также отправили еще два тяжелых бомбардировщика В-2, способ-

ных доставить ядерное оружие, на британскую авиабазу для участия в учениях вместе с союзниками по НАТО [17, с. 4].

Таким образом, на Уэльском саммите была подтверждена необходимость продолжающегося присутствия военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил и целесообразной военной деятельности в Восточной Европе. Были также предприняты конкретные шаги по «сдерживанию» – предусмотрена разработка сценариев учений для нового типа войн, создан Центр передового опыта по стратегическим коммуникациям в Латвии. Разработаны планы по созданию Объединенной оперативной группы повышенной готовности, которая будет способна в более сжатые сроки дать ответ на потенциальные угрозы, исходящие от России. В принятой Декларации сделан акцент на том, что присутствие сил НАТО в Центральной и Восточной Европе будет осуществляться именно на ротационной основе, а не на основе постоянного базирования, что нарушило бы договоренности, зафиксированные в Основнополагающем акте Россия – НАТО от 1997 г. (на данный момент альянс располагает на Востоке только одной штаб-квартирой – в польском Щецине, а воздушную безопасность стран Балтии гарантирует путем посменного размещения военных самолетов других стран НАТО). Однако вопрос о том, подразумевает ли реализация этих планов нарушение Основнополагающего акта Россия – НАТО, согласно которому НАТО не будет размещать дополнительные постоянные базы для обеспечения коллективной обороны или иных миссий, остается все-таки открытым.

Главы государств и правительств НАТО заявили, что «нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины» является не просто пренебрежением нормами международного права, но и «главным вызовом евроатлантической безопасности». То, что после этих событий одной из основных целей альянса является адаптация к новой архитектуре безопасности, подтвердил председатель Военного комитета НАТО генерал Кнуд Бартельс во время визита в США (30 сентября – 3 октября 2014 г.) [13].

Одним из важнейших на саммите стал вопрос о необходимости увеличения оборонных расходов. По словам Генерального секретаря НАТО, «агрессия России против Украины создала новые условия безопасности, которые послужили для союзников сигналом о необходимости инвестиций в безопасность и оборону» [18]. В соответствии с действующим требованием НАТО от 2006 г. для выполнения приоритетных задач по силам и средствам необходимо тратить на оборону не менее 2% ВВП. В 2013 г. только четыре страны выполнили это условие: Великобритания, Соединенные Штаты, Эстония и Греция [15, с. 6].

Вопрос о недостаточном финансировании обороны особенно остро встал на повестке дня в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008 г., который показал нежелание европейских союзников США платить за безопасность. В целях бюджетной экономии государства стали последова-

тельно сокращать расходы на оборону, в то время как США сегодня продолжают нести бремя трансатлантической ответственности, финансируя 75% бюджета НАТО. Очевидно, что с учетом геополитической обстановки на европейских границах, решения по бюджетным расходам стран – членов альянса на оборону в 2015–2016 фин. г. станут важнейшими на национальном уровне.

Сокращение расходов на оборону привело к превращению вооруженных сил союзников в более легкие и гибкие военные формирования. Количество единиц бронетанковой техники и артиллерийского вооружения было либо уменьшено на десятки тысяч единиц, либо, как в случае Нидерландов, сведено к нулю (сегодня в Королевстве больше нет на вооружении танков) [14, с. 17].

20 лет сокращения бюджетных расходов и сосредоточенность НАТО на операциях по кризисному регулированию вне зоны ответственности привели к сомнениям относительно готовности НАТО к конвенциональной войне. В связи с этим главной задачей саммита стал новый запуск системы конвенционального сдерживания. В этих целях был принят план действий по обеспечению готовности, чтобы сделать НАТО, по заявлению А. Фог Расмуссена, «более приспособленной, более быстрой и гибкой [...] с тем, чтобы наши силы могли быстрее реагировать, имели надлежащие потенциал, подготовку и ресурсы. Эта работа уже ведется, но кризис делает ее безотлагательной» [9].

По сути, план призван был уверить восточноевропейских партнеров США по НАТО в приверженности коллективной обороне, но в более широком смысле он стал ответом на риски и угрозы, исходящие от Ближнего Востока и Северной Африки. При этом командование и контрольные центры Объединенной оперативной группы повышенной готовности, которая должна усиливать Силы реагирования НАТО, будут располагаться в Восточной Европе.

Уэльский саммит провозгласил поворот от облегченных сухопутных сил к армиям с большей боевой устойчивостью. Это означает новый этап в развитии НАТО, адаптацию альянса к «гибридным войнам», координацию его деятельности с деятельностью других организаций, прежде всего с Европейским союзом. В вопрос о коллективной безопасности впервые был внесен пункт о кибербезопасности. При этом решение о том, когда кибернападение приводит в действие ст. 5, будет приниматься альянсом в каждом отдельном случае [7]. Однако стоит учитывать большое несоответствие в возможностях по обеспечению кибербезопасности среди государств – членов НАТО, а также нежелание раскрывать информацию в такой «деликатной» сфере.

Россия – НАТО: Что дальше?

Если несколько лет назад после Лиссабонского саммита можно было сказать, что российско-натовские отношения оказались на полпути между враждой и желаемым стратегическим партнерством, то сегодня отчетливо

виден «откат» назад. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что отношения России и НАТО достигли самой низкой точки со времен окончания холодной войны.

Реакция России на заявления, сделанные в ходе саммита в Уэльсе, была однозначной. Как указывалось в комментарии МИД РФ, итоги саммита «наглядно продемонстрировали, что Организация Североатлантического договора, политика которой диктуется Вашингтоном и «ястребами» в некоторых европейских столицах, стремилась и стремится к доминированию в военной сфере в Европе в нарушение неоднократно подтверждавшихся на всех уровнях договоренностей о важности создания в Евро-Атлантике системы равной и неделимой безопасности. При этом приносятся в жертву усилия международного сообщества по противодействию реальным угрозам и вызовам современности – таким, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, наркоторговля, пиратство, природные и техногенные катастрофы. [...] На саммите была взята линия на продвижение инфраструктуры НАТО «на Восток» и наращивание военного присутствия альянса вблизи границ России. Эти планы вынашивались давно, и украинский кризис стал лишь поводом для начала их реализации» [8]. Россия прямо обвинила НАТО в безоговорочной поддержке неонацистских и экстремистских сил на Украине и заявила, что «суть и тональность заявлений по ситуации вокруг Украины [...] ставят под угрозу срыва наметившийся прогресс в мирном процессе на Украине» [8]. В духе холодной войны стороны обвиняют друг друга в причастности к событиям на Украине, в неудовлетворительном состоянии взаимоотношений в экономической, военной и политической сферах.

Таким образом, в современных условиях происходит не только трансформация НАТО, как наглядно продемонстрировал Уэльсский саммит, трансформируются отношения между самими глобальными игроками.

Тем не менее у России и альянса еще остается поле для сотрудничества по ключевым вопросам современности: Сирия, Иран, борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия и др. Необходимо в практическом взаимодействии найти выход из сложившегося неудовлетворительного положения и перейти к открытому и честному диалогу по проблемам, вызывающим взаимную обеспокоенность.

Литература

1. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: Доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург // Полития. – М., 2006. – № 2. – С. 94–103.
2. В 2014 г. НАТО проведет саммит, посвященный завершению афганской кампании. – Режим доступа: <http://xn--80azep.xn--p1ai/ru/news/20130601/07336.html>

3. Восприятие НАТО населением России / Аналитический отчет на основе социологических исследований, проведенных по заказу Информационного бюро НАТО в Москве. – М.: ВЦИОМ, 2006. – 61 с.
4. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе ежегодной пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2014 году. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6631F30FBE1AB4B643257DD4003D0D59
5. Заявление министров иностранных дел стран НАТО. – Режим доступа: <http://www.nato-russia-council.info/ru/articles/20140327-announcement/>
6. Заявление о трансатлантической связи по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm
7. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm
8. Комментарий МИД России в связи с саммитом НАТО в Уэльсе. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/0AC3CA478290549A44257D4A004D4A54
9. Министры обороны стран НАТО обсуждают коллективную оборону и приоритеты встречи на высшем уровне. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_110608.htm?selectedLocale=ru
10. Стратегическая концепция НАТО 1991 г. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm
11. Франция, Германия и Италия выступают против предоставления Украине и Грузии ПДЧ в НАТО. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/12/02/nato-anons.html>
12. Bucharest Summit Declaration. – Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/pr/2008/p08-049e.html>
13. Chairman of the Military Committee discusses Euro-Atlantic security architecture and the importance of a solid transatlantic bond. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_113539.htm
14. Drent M., Zandee D. NATO after Wales: A reborn Alliance in a troubled world? // *Atlantic Perspective*. – 2014. – N 7. – P. 15–19.
15. Financial and Economic Data Relating to NATO Defence / Press Release. – Bruxelles: NATO PDD, 2014. – P. 10.
16. Hybrid war – hybrid response? – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/review/2014/russia-ukraine-nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/EN/index.htm>
17. Kuřčák J. NATO after the Wales Summit: Readyng the Alliance for the Future // *Policy Paper*. – Association for International Affaires, 2014. – N 3. – P. 12.
18. Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen following the second meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government during the NATO Wales Summit, 5 September 2014. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/SID-D0D702C7-F616F1F6/natolive/opinions_112891.htm?selectedLocale=en
19. Q&A with General Stephane Abrial on Smart Defence, 6 December 2011. – Mode of access: http://www.atlantic-community.org/index/articles/view/General_Abrial's_Answers%3A_Part_1_-_Smart_Defense
20. The Alliance's Strategic Concept 1999. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm
21. Wales' NATO summit will be historic, says Secretary General. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-wales-south-east-wales-27962365>